

РАННИЕ ПАНЦИРИ ИЗ ТВЁРДЫХ МАТЕРИАЛОВ В СОГДЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА, КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН И ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОЙ ТЕХНОЛОГИИ (IV–II ВВ. ДО Н. Э.)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19274957>

Нурматов С.Т.

*Самаркандский государственный
Университет им. Ш. Рашидова
(Самарканд, Узбекистан)*

Email: SokhibNur@yandex.com

Аннотация

Статья посвящена изучению панцирей из твёрдых материалов, с особым акцентом на доспехи, применявшиеся на территории Согда. Анализ охватывает археологические находки, исторические источники и художественные изображения, позволяющие определить материал, реконструировать формы и технологии изготовления панцирей. Особое внимание уделено ранним образцам IV–II вв. до н.э., таким как Чирик-Рабатский доспех, изображения всадников из Хумбузтепы и Ак-Тама. Исследование демонстрирует, что формирование подобных панцирей происходило в условиях военных контактов и культурного обмена, включая влияние персидских и китайских традиций. Рассматривается процесс адаптации и трансформации военной технологии Согда, где панцирь стал не только средством защиты, но и элементом интеграции военной культуры в городской и сельский контекст. Исследование подчёркивает значимость региона, способного сохранять и развивать бронные традиции, впитывая инновации соседних культур, демонстрирует эволюцию военного ремесла в контексте социально-политических и культурных взаимодействий Евразии.

Ключевые слова

Согд, Средняя Азия, IV–II вв. до н.э., доспехи, панцири, материал, археология, бронная традиция, культурный обмен.

Введение. История оборонительного вооружения Средней Азии на протяжении долгого времени оставалась сферой скорее устойчивых представлений, чем строгих фактов. В научной литературе прочно укоренилось мнение о том, что межрегиональный треугольник Бактрия-Хорезм-Согд, якобы принадлежит к числу древнейших центров возникновения металлических доспехов, откуда традиция затем

распространилась на Иран и Китай. Однако внимательный анализ свидетельств античных авторов, текстов «Авесты» и, главное, археологических данных резко корректирует эту картину. Наблюдается поразительный парадокс: в письменных источниках Средняя Азия предстает регионом, хорошо знакомым с металлическими доспехами, но археология молчит до рубежа V – IV веков до н. э. (Avesta, Yt. 13.45)

Задача, поставленная перед нами, – рассмотреть самый ранний этап развития защитного вооружения в регионе и показать, каким образом в Согдиане сформировались первые панцири из твёрдых материалов. Эта тематика напрямую связана с реконструкцией военной культуры согдийцев, оценкой иранских и китайских технологических влияний и политическими процессами IV–II вв. до н. э., затронувшими Согд, Бактрию, Хорезм и др. Через этот контекст рассматривается значение Согда как важного центра вооружения, первоначально унаследовавший формы, созданные за пределами его земледельческих оазисов (Авеста... 1997).

Панцири, изготовлявшиеся из твёрдых материалов – дерева, рога, кости, толстой жёсткой кожи и металла, – представляют собой одну из наиболее сложных и технологически развитых форм защитного вооружения древности. В самом общем виде их можно разделить на две основные разновидности: панцири с мягкой основой, на которую нашивался или иным образом крепился бронирующий твёрдый материал, и панцири без мягкой основы, в которых отдельные элементы из твёрдого материала соединялись непосредственно между собой (Горелик, 1993. С. 99).

В специализированной литературе, однако, чаще используется более детализированная классификация, основанная на совокупности признаков, таких как покроя доспеха, способ бронирования, форма и материал защитных элементов. При этом в разных исследованиях за основу классификации берутся не все перечисленные параметры одновременно, а лишь отдельные их сочетания, что отражает как разнообразие самих доспехов, так и специфику исследовательских подходов.

Ещё в середине XX века в научной литературе активно обсуждалась идея о первенстве Средней Азии в развитии металлического панциря. На неё ссылались многие исследователи, в том числе западные авторы (Голстов, 1962; Литвинский, Пьянков, 1966; Laufer, 1914). Основанием для этого выступали три типа источников: Геродот (I, 215), Страбон (XI.8.7: С. 507–508) и отдельные фрагменты «Авесты» (Avesta, Yt. 13.47). На практике же оказывается, что ни один из этих комплексов не даёт прямых сведений о панцирях согдийцев или их соседей в ранний период.

Геродот упоминает у массагетов лишь конские нагрудники, украшенные золотом, и это единственный надёжный факт. Человеческий доспех появляется у Страбона уже как более поздняя реальность, отражающая ситуацию его эпохи, когда панцири у племён Приаралья давно существовали (Страбон XI, 8, 7). «Авеста» и вовсе лишена точной хронологии: её описания вытянутых, заострённых шлемов скорее соответствуют традициям приграничья Месопотамии и Закавказья первых веков I тыс. до н.э., чем восточноиранским территориям (Мандельштам, 1966).

Таким образом, до IV века до н. э. у исследователей нет ни одной твёрдой опоры, которая позволила бы приписывать тому или иному региону Средней Азии традицию использования металлических панцирей. Лишь археологические комплексы Приаралья, предгорья Тянь-Шаня и Алтая дают реальные данные, указывающие на совершенно другую картину происхождения доспеха.

Археологические данные: первые панцири, найденные в Средней Азии. Обнаружение реальных доспехов в археологической среде Средней Азии – событие исключительное, переломное по своему значению. Но начиная с IV века до н. э. земля сама открывает то, что долгие годы скрывалось под толщей культурных напластований: первые военные панцири, столь необходимые в атмосфере напряжённых военно-политических столкновений (Nikonov, 1997).

Панцирь из Чирик-Рабата, появляющийся как мощный всплеск ремесленной мысли, поражает своей зрелостью. Это не пробная, не переходная форма, а конструкция, производящая впечатление уже сформированной традиции. Крупные железные пластины – массивные, строгие, с прямоугольной чёткостью – создают впечатление панциря, рассчитанного на солдата, который не просто защищается, но идёт в бой с сознанием того, что его доспех – результат долгой эволюции и тяжёлой необходимости.

Высокий цельнокovaný воротник высотой около 10 см – деталь не просто технологичная, но и эстетически выразительная. Он формирует особый, легко узнаваемый силуэт – гордый, вертикальный, в котором читается воин степной, но уже экипированный как тяжеловооружённый всадник Переднего Востока (La Vaissière, 2004, p. 86; Горбунова, 2001).

Доспех из Чирик-Рабата датируется IV в. до н. э. К этому же периоду относится изображение всадника в панцире на фрагменте керамического сосуда из Хумбуз-Тепе, также в степном Приаралье (Горелик, 1993, табл. LIII, 20). Панцирь выполнен из крупных подквадратных пластин и закрывает

корпус до колен, однако точный покрой установить невозможно, так как изображение сохранилось лишь ниже пояса.

Изображение воина в панцире на роговой пластинке из могильника Ак-Там в Фергане относится к рубежу V – IV вв. до н. э., вероятно, к IV в. до н. э. (Горелик, 1993, табл. LIII, 17). Верхняя часть корпуса закрыта крупными подквадратными пластинами, хорошо виден высокий стоячий воротник, собранный из узких вертикальных пластин. Характер бронирования нижней части панциря от пояса до подола определить сложнее: горизонтальные черточки могут изображать как более мелкую чешую из прямоугольных пластин, так и чешуйки персидско-скифского типа (Пугаченкова, 1966; Черненко, 1968, С. 42).

Аналогичный панцирь, со всеми перечисленными признаками – силуэтом, бронированием из крупных подквадратных пластин и высоким панцирным воротником – зафиксирован у сако-юэчжийских жителей Алтая и Семиречья: например, на золотом навершии из «Сибирской коллекции Петра I» (Горелик, 1993, С. 107).

Культурные векторы: от Персии и Китая в сакскую среду. Новая конструкция брони вобрала в себя элементы двух великих культурных зон – ахеменидской и китайской.

От Персии, по-видимому, пришли: – идеи длинного покроя; – панцирные рукава; – характерные детали выверенного покроя.

От Китая: – стоячий воротник; – предпочтение крупной пластине; – вертикальные ламели в конструкции шеи.

Согд – один из тех регионов, который нередко оказывается в тени более воинственных соседей: сакских степей, хорезмийских крепостей, бактрийских цитаделей. Но этот край стоял на перекрестке миров – и всё, что проходило через это пространство, преломлялось, обретало новые формы и возвращалось обратно в большую Евразию (Горелик, 1993, С. 113; Литвинский, 2001; Пичикян, 1991, С. 33). Именно поэтому согдийская броня может показаться скромнее своих сакских предшественниц, но она отражает долгий путь адаптации. В Согде формируется собственная манера восприятия доспеха. Здесь нет той brutальной энергии Приаралья, которая породила чирик-рабатский панцирь, и нет восточной, почти ювелирной вычурности Притяньшанья. Согдийские мастера предпочитали интегрировать уже проверенные решения (Marshak, 2002, P. 57; Маршак, 1971, С. 110).

Согдийский панцирь не стремится доминировать в визуальном пространстве. Его задача – стать частью комплекса вооружения, а не его парадным центром. Но это не умаляет его значения: он представляет собой

зрелую форму, впитавшую опыт как западных, так и восточных соседей. Сходства и отличия от сакского «канона» согдийские панцири заимствуют у саков: принцип крупной пластины, вытянутый покрой, стремление к цельности защитного силуэта.

Заключение. Рассмотренный материал подтверждает: ранняя история защитного вооружения Средней Азии была до недавнего времени более насыщена устойчивыми гипотезами, чем надёжными данными. Археология однозначно показывает, что уверенные следы твёрдых панцирей в регионе появляются лишь к рубежу V–IV вв. до н. э.; более ранние литературные свидетельства (Геродот, Страбон, фрагменты «Авесты») не дают строгой хронологии и не могут служить прямыми доказательствами возникновения металлического панциря в рассматриваемом регионе. Артефакты Приаралья и особенно доспех из Чирик-Рабата демонстрируют зрелую, технически продуманную конструкцию – знак того, что к IV в. до н. э. в степной и приграничной зоне сформировалась традиция тяжеловооружённой бронировки, которая, вероятно, прошла долгую предысторию за пределами тех же оазисов.

Согд показывает себя не как центр изобретения металлического панциря, а как активный преобразователь инородных технологий и форм. Местные мастера выбирали функциональность и адаптацию к требованиям времени: крупные пластины и вытянутый покрой унаследованы из сакской среды, стоячий воротник и приём крупной пластины – под влиянием китайских образцов, элементы длинного покроя и рукавов – от персидской традиции. В результате в Согде возникла собственная методика изготовления оборонительного снаряжения – менее монументальная, но более пригодная для длительного ношения и борьбы в городской или горной среде; броня стала компонентом военного комплекса, а не исключительно элементом статусной атрибутики. Эти выводы имеют ключевое значение для реконструкции военной культуры и политических трансформаций IV–II вв. до н. э.: появление и распространение панциря связано с интенсификацией вооружённых столкновений, мобилизацией ремесленных ресурсов и активными культурно-технологическими контактами между Центральноевразийской степью, Ираном и Китаем. Вместе с тем проведенный анализ отрицает упрощённую схему «центр-изобретатель – периферия-потребитель» применительно к вопросу происхождения панциря на континенте.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Авеста в русских переводах (1861–1996) / под ред. И. В. Рака. Санкт-Петербург: изд-во РХГИ, 1997. 481 с.

Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. Вып. 35. 2001. С. 126–151.

Горелик М. В. Оружие древнего востока (IV тыс. – IV в. до н.э.). М.: Наука, 1993. 349 с.

Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии. Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 530 с.

Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI-IV до н.э. // ВДИ. 1966. № 3.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.-Л.: Наука, 1966. 232 с.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. Москва: Наука, 1971. 193 с.

Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды / Отв. Ред. Литвинский Б. А. Москва: Наука, 1991. 345 с.

Страбон. География : в 17 кн. / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. 943 с.

Черненко Е. В. Скифский доспех / отв. ред. Тереножкин А. И. Киев: Науково думка, 1968. 192 с.

Darmesteter J. The Zend-Avesta, Part II: The *Sîrôzahs*, *Yasts*, and *Nyâyis* // Sacred Books of the East. Vol. 23. Oxford University Press, 1883. 199 p.

É. de La Vaissière. Histoire des marchands sogdiens. Paris: Collège de France. 2004. 377 p., 16 figs., 8 maps.

Marshak B. I. Legends, tales, and fables in the art of Sogdiana (with an Appendix by V. A. Livshits). New York: Bibliotheca Persica Press, 2002. 187 p., 107 figs.

Nikonorov V. P. Armies of Bactria 700BC - 450AD. Vol. 1. 1997.